

Е.Н. Шарова, Е.В. Недосека

Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: социологический анализ основных измерений

E.N. Sharova, E.V. Nedoseka

Life strategies of the Murmansk region youth: Sociological analysis of the basic measurement

Аннотация. В статье предложен теоретический анализ понятия "жизненные стратегии молодежи". Обоснована актуальность данного исследования в Мурманской области. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного по основным индикаторам: темпоральное, горизонтальное, вертикальное и оценочное измерения жизненных стратегий молодежи Мурманской области. Полученные результаты дают возможность сформировать представление о желательных направлениях самореализации, а также определения уровня притязаний данной социально-демографической группы, что позволит более эффективно выстраивать молодежную политику в регионе, продумать факторы "удержания" молодежи, а также ее привлечения в Мурманскую область.

Abstract. The paper contains theoretical analysis of the category "youth's life strategies". The actuality of this research in the Murmansk region has been grounded. The results of research have been given, the main empirical indicators are: temporal, horizontal, vertical and appraisal measuring life strategies of youth. The results of this research give an opportunity to form a conception about desirable ways of self-realization, help to define the level of aspiration of youth. It allows build more effective policy in this sociodemographic group.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, жизненные планы, самореализация, уровень притязаний
Key words: youth, life strategies, life plans, self-realization, level of aspirations

1. Введение

Трансформационные процессы, происходящие в социально-экономической сфере современного российского общества, в значительной степени актуализировали необходимость выбора оптимальных жизненных стратегий населения в быстро меняющейся социальной реальности. В данном ключе особый интерес представляет молодежь как наиболее активная социально-демографическая группа. В силу переходности социального статуса, незавершенности процессов формирования социальной зрелости и субъектности, молодежь в наибольшей степени нуждается в целенаправленном конструировании своего будущего. Являясь высокодифференцированным социальным образованием, данная группа лишена единообразия как в объективных маркерах статуса (ресурсной обеспеченности), так и в субъективно-личностных (ценностных ориентациях и установках). Кроме того, специфика различных молодежных групп детерминирована конкретными условиями социализации и самореализации в определенном локальном сообществе (стране, регионе, населенном пункте). Место проживания молодежи является важным дифференцирующим и стратифицирующим фактором, создающим внешние (объективные) рамки жизненных планов.

Тема жизненных стратегий молодежи достаточно представлена в социологических исследованиях, при этом она по-прежнему привлекает к себе внимание ученых и является актуальной в условиях стремительного социально-экономического развития российских регионов. Изучение стратегий молодежи Мурманской области представляется злободневной в связи с тем, что данный регион переживает значительную миграционную убыль населения, особенно молодого возраста. Представление о желательных направлениях самореализации, а также определение уровня притязаний данной социально-демографической группы позволит более эффективно выстраивать молодежную политику в регионе, продумать факторы "удержания" молодежи, а также привлечения в Мурманскую область.

Среди первых серьезных разработок в этой области можно отметить труды В.Н. Шубкина, В.Т. Лисовского, С.Н. Иконниковой, М.Х. Титмы, М.Н. Руткевича и др. Длительное время данной проблемой занимаются такие исследователи, как Г.А. Чередниченко, Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, К. Муздыбаев, В.С. Магун, Т.И. Заславская, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок и др. Неснижаемый интерес к теме жизненных стратегий молодежи отражен в следующих современных работах: Е.Н. Бондаренко, М.М. Акулич, В.В. Пить, А.А. Волокитиной, Н.И. Легостаевой, С.А. Мерзаканова, Н.Н. Федотовой, Е.П. Рубцовой и др.

Понятие "жизненная стратегия", с одной стороны, является достаточно разработанным в социологической науке, накопившей солидный теоретический и эмпирический багаж в данной области исследования. С другой стороны, существует некоторая терминологическая путаница в употреблении понятий, схожих с "жизненной стратегией". Среди таких терминов можно встретить следующие: "жизненная траектория" (Чердниченко, 2004), "жизненная карьера", "жизненные ориентации (установки)", "жизненный путь", "личные планы", "жизненное самоопределение", "жизненные притязания" (Шурыгина, 1999) и т.д. Не ставим себе задачей их разграничить – зачастую эти термины используются как синонимы, лишь отметим необходимость уточнения содержания понятия "жизненная стратегия".

Таким образом, социологический анализ проблематики включает в себя уточнение содержания понятия "жизненных стратегий" на концептуальном уровне с выходом на конкретные индикаторы, а также систематизацию и обобщение различных проявлений собственно жизненных стратегий молодежи Мурманской области по материалам эмпирического исследования.

2. Концептуальное уточнение понятия "жизненная стратегия"

Ключевыми элементами концептуализации понятия "жизненная стратегия" являются такие термины, как "сознание и поведение", "цели и средства", "выбор", "ценности", "ориентация", "будущее". Остановимся на каждом из них подробнее.

Пожалуй, достаточно важным моментом в изучении (особенно, на эмпирическом уровне) жизненных стратегий является решение вопроса о том, какую структуру личности они в большей степени характеризуют – сознание или поведение. В узком смысле жизненная стратегия представляет собой определенную линию поведения (Муздыбаев, 2004), это своего рода "жизненное поведение личности" (Рубцова, 2010). Более широкое содержание данной категории предполагает включение элементов сознания как достаточно разветвленную систему представлений, установок, диспозиций, паттернов, ценностей и ориентаций.

На наш взгляд, в структуре жизненной стратегии достаточно сложно эмпирически разграничить факторы сознания и поведения (это скорее аналитическое допущение). Так, все поведенческие проявления в рамках жизненной стратегии имеют относительно осознанный характер (нерефлексируемое, автоматизированное поведение сюда не входит). Это обусловлено тем, что жизненная стратегия лежит в области целеполагания и целедостижения личности, т.е. имеет рациональную природу.

Обратимся к определению, которое предлагает Волокитина: "...жизненная стратегия представляет собой интенциональную характеристику сознания и направленность поведения личности в конкретных жизненных ситуациях" (Волокитина, 2011). По мнению исследовательницы, жизненные стратегии молодежи характеризуют определенный уровень самосознания, а также являются способом реализации ее субъектности.

Цели и средства – ключевые элементы жизненной стратегии – находят свое отражение в следующем определении: "Жизненная стратегия представляет собой динамическую систему представлений о целях жизненного пути и средствах их реализации в процессе жизненного (социального) самоопределения" (Волокитина, 2011).

В некоторых исследованиях цели исключаются из содержания жизненных стратегий. Так, например, Магун В.С. разводит эти понятия, подчеркивая, что жизненные стратегии (а также тактики) – это скорее способы, пути реализации жизненных целей (притязаний) (Революция..., 1998).

В нашем исследовании мы будем придерживаться более широкой трактовки понятия "жизненная стратегия", при которой жизненные цели (планы, притязания) включены в его структуру. Многие исследователи, описывая жизненные стратегии различных социальных групп, обращаются к анализу жизненных планов, представляющих собой вектор реализации или "механизм достижения" (Акулич, Пить, 2011) жизненных стратегий.

Важно понимать, что включение в структуру жизненной стратегии элементов сознания не должно приводить к необоснованному расширению предмета исследования: рассматриваются лишь те представления, установки и ориентации, которые непосредственно реализуются (или могут реализоваться) в конкретных действиях, влияют на выбор линии поведения.

Таким образом, мы видим связь жизненной стратегии с проблемой выбора. Более того, по мнению некоторых исследователей, жизненная стратегия и есть выбор. Так, Бондаренко Е.Н. определяет жизненные стратегии как "ценностно-ориентационный выбор личности, детерминированный оценкой условий среды макро, мезо и микроуровней, имеющихся личностных ресурсов для достижения целей в различных сферах жизни" (Бондаренко, 2009). В свою очередь, Волокитина раскрывает содержание жизненных стратегий через различные жизненные ситуации, связанные с выбором, ключевым из которых, по мнению исследовательницы, является профессиональный выбор (Волокитина, 2011).

Хотя, безусловно, можно выделить и другие основания для осуществления выбора, задающие разветвленную структуру жизненных стратегий. Так, Бондаренко Е.Н. следующим образом определяет элементы этой структуры: образовательная, трудовая, миграционная, социальная (в узком смысле слова), брачная. Федотова Н.Н. сводит жизненные стратегии к трем основным составляющим: "...социальные ориентации (направленности на достижение желаемого социального положения путем включения в те или иные социальные группы), культурные ориентации (принятие определенных культурных образцов) и личные ориентации (представления интимных моментов жизни)" (Федотова, 2000). Эти три типа ориентаций в целом определяют личное, социальное и культурное будущее личности.

Понятие жизненных стратегий тесно связано с понятием будущего (Легостаева, 2012; Рубцова, 2010; Рудакова, 2004). Более того, именно будущее, взятое в долгосрочной перспективе, отличает "жизненную стратегию" от других, схожих с ней понятий (Волокитина, 2011). По сути, будущее, а точнее, представление о нем, находит свое отражение в жизненной стратегии, которая понимается как "социально обусловленная система ориентирования личности на долговременную перспективу" (Рудакова, 2004).

Важнейшая функция жизненной стратегии как области целеполагания и целедостижения заключается в ориентации личности, в определении направленности ее сознания и поведения. Одним из наиболее емких определений является дефиниция Рубцовой: "жизненные стратегии ориентируют и направляют поведение личности в течение длительного времени и представляют собой идеализированное отражение будущего жизненного пути, обобщенное выражение не только направленности ориентации, но и способов, путей реализации ожиданий социального положения". (Рубцова, 2010).

Таким образом, жизненная стратегия представляется как направленная в будущее характеристика сознания и поведения личности, выполняющая ценностно-ориентационную функцию и проявляющаяся в конкретных жизненных ситуациях, связанных с выбором целей и средств их достижения. На наш взгляд, основу жизненной стратегии составляют два процесса, задающие вектор самореализации личности: постановка целей и их достижение. Исследованию этих процессов и посвящено данное эмпирическое исследование.

3. Общая характеристика эмпирического исследования

Изучение жизненных стратегий молодежи Мурманской области проводилось с помощью анкетного опроса весной 2014 г. Всего было опрошено 955 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Выборочная совокупность репрезентативна по таким критериям, как пол, возраст и тип населенного пункта (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика выборочной совокупности

Типы населенных пунктов Мурманской области	Пол	Возрастная группа, лет			
		14-19	20-24	25-30	Всего
		Частоты	Частоты	Частоты	Частоты
г. Мурманск	мужской	43	53	86	182
	женский	42	54	82	177
	Всего	85	107	168	359
Крупные города (свыше 30 тыс.)	мужской	47	69	81	197
	женский	35	35	67	137
	Всего	81	104	148	334
Средние города (от 10 до 30 тыс.)	мужской	24	36	42	102
	женский	18	18	35	71
	Всего	42	54	76	172
Малые города и сельские поселения (менее 10 тыс.)	мужской	13	19	22	53
	женский	9	10	18	37
	Всего	22	28	40	90
Всего	мужской	127	177	230	533
	женский	103	117	202	422
	Всего	230	293	431	955

Представив жизненные стратегии как сочетание двух процессов – целеполагания и целедостижения, особое внимание в данном эмпирическом исследовании мы уделили специфике постановки целей. В частности, изучались продолжительность, содержание и интенсивность проявлений целевых установок молодежи Мурманской области. Процесс целедостижения описывался посредством измерения результативности целевых установок на субъективном уровне.

Так, анализ жизненных стратегий молодежи Мурманской области включал в себя следующие эмпирические показатели:

- период планирования как продолжительность целевых установок (темпоральное измерение жизненных стратегий);
- желаемые направления самореализации как содержание целевых установок (горизонтальное измерение жизненных стратегий);
- уровень притязаний как интенсивность проявлений целевых установок (вертикальное измерение жизненных стратегий);
- самооценка успешности как результативность целевых установок (оценочное измерение жизненных стратегий).

Рассмотрим более подробно представленные измерения жизненных стратегий по материалам анкетного опроса молодежи Мурманской области в целом, а также по отдельным половозрастным и территориальным подгруппам.

3.1. Темпоральное измерение жизненных стратегий молодежи Мурманской области

Категория времени, а именно будущего, является ключевой для понимания сущности жизненной стратегии. Темпоральное измерение (продолжительность, "длина") жизненной стратегии молодежи определялось через период планирования своего будущего (табл. 2).

Таблица 2. Период планирования будущего

Вариант		% по отдельным вариантам	% по блокам
Живу настоящим и не строю планов		21,7	21,7
Строю планы на краткосрочную перспективу	не больше, чем на 6 месяцев	14,8	37,8
	не более чем на 1 год	22,9	
Строю планы на среднесрочную перспективу	не более чем на 2 года	11,6	30,5
	не более чем на 5 лет	18,9	
Строю планы на долгосрочную перспективу	не более чем на 10 лет	4,8	10,0
	более чем на 10 лет	5,2	

Каждый десятый опрошенный молодой человек планируют свое будущее на 10 и более лет, при этом тех, кто в принципе не планирует свое будущее, предпочитая жить настоящим, практически вдвое больше (21,7 %). Относительное большинство молодежи строят планы на краткосрочную (0,5-1 год) либо среднесрочную (2-5 лет) перспективу (37,8 % и 30,5 % соответственно).

Период планирования статистически варьируется у мужчин и женщин, а также у представителей различных возрастных групп и типов населенных пунктов (взаимосвязь проверялась по критерию Пирсона хи-квадрат, уровень значимости не более 0,05). Интересно, что мужчины относительно чаще, чем женщины, живут настоящим и не строят каких-либо планов (23,8 против 19,1 %) либо наоборот – строят планы на долгосрочную перспективу (11,2 против 8,5 %). Женщины намного чаще мужчин предпочитают строить краткосрочные планы (42,6 против 33,9 %).

Если говорить о возрастных группах и жителях различных населенных пунктов, то интересная зависимость прослеживается относительно варианта "живу настоящим и не строю планов". Его чаще выбирают представители младшей возрастной группы (до 19 лет) – 26,3 % (против 18,9 % среди 20-24-летних и 21,2 % среди 25-30-летних). Отсутствие планов также в большей степени характерно для жителей небольших населенных пунктов: средних городов до 30 тыс. чел. (26,0 %) и малых городов, сельских поселений – до 10 тыс. чел. (27,4 %). Жители крупных городов, в том числе и регионального центра, относительно реже предпочитают жить одним днем (17,8-21,9 %).

В целом, абсолютное большинство молодых людей Мурманской области (78,3 %) – вопреки распространенному мнению о легкомыслии и инфантилизме современной молодежи – не живут одним днем, предпочитая планировать свое будущее на ту или иную перспективу.

3.2. Горизонтальное измерение жизненных стратегий молодежи Мурманской области

Вовлеченность молодых людей в различные сферы жизнедеятельности характеризует равностатусную дифференциацию молодежных подгрупп, размещая их в социальной структуре по горизонтали. Особый интерес в исследовании представлял вопрос о направлениях самореализации молодежи региона, раскрывающий содержание целевых установок в структуре жизненных стратегий (табл. 3). Рейтинг направлений самореализации открывают такие базовые сферы, как профессия (48,3 %), достаток (47,6 %), семья (44,7 %). На наш взгляд, это достаточно традиционные для российского общества ценности, своего рода "необходимый минимум" самореализации.

Таблица 3. Желаемые направления самореализации

Направление	%
Повышать свой образовательный и культурный уровень (получать новое образование, изучать языки)	34,8
Реализовывать себя в профессии, расти как специалист	48,3
Повышать уровень своего материального благополучия (покупка жилья, машины и пр.)	47,6
Расти как менеджер, управленец, сделать карьеру (на работе, службе)	13,5
Создать семью и реализовывать себя в семье (растить детей)	44,7
Реализовывать себя в общественной и политической сферах	3,9
Посвятить себя творческой деятельности (спорту)	15,7
Создать и развивать собственный бизнес	20,3
Выстроить систему отношений, связей (дружеских, деловых)	9,6
Наполнить свою жизнь отдыхом, путешествиями, развлечениями	30,5
Нет определенных планов	3,0
Другое (укажите, что именно)	0,8

Практически каждый третий опрошенный указал на необходимость повышения своего образовательного и культурного уровня (34,8 %), чуть менее – наполнить свою жизнь отдыхом, путешествиями, развлечениями (30,5 %).

Отдельного внимания заслуживает такая целевая установка, как создание и развитие собственного бизнеса. Каждый пятый (20,3 %) опрошенный молодой человек видит в этом направлении возможность для самореализации. Это достаточно важный показатель, отражающий инновационный потенциал как данной социально-демографической группы, так и всего региона в целом.

Интересно, что ценность карьерного роста уступает место творческой и спортивной самореализации (13,5 и 15,7 % соответственно). Социально-коммуникационная и особенно общественно-политическая сферы – самые непопулярные среди молодежи направления самореализации (9,6 и 3,9 % соответственно).

Преобладание традиционных ценностных ориентиров – работа, семья, материальное благополучие – с одной стороны, может свидетельствовать в целом о социальной адаптированности и конформности молодежи в отношении существующего общественного уклада. С другой стороны, в условиях трансформирующегося общества, кризиса многих социальных институтов, отсутствия устойчивых образцов и "гарантий" обращение к базовым сферам самореализации – это своего рода "самосохранительная" стратегия жизни, направленная на удовлетворение первичных потребностей личности.

3.3. Вертикальное измерение жизненных стратегий молодежи Мурманской области

Неотъемлемой частью характеристики жизненных стратегий молодежи является уровень притязаний, под которыми понимаются цели, самостоятельно устанавливаемые человеком в ситуации свободного выбора, соответствующие желаемым стандартам удовлетворения потребностей (*Революция...*, 1998). Особенность притязаний состоит в том, что они предполагают ранжирование индивидов по вертикали, т.е. отражает стремление занять определенное место в некоторой иерархической структуре статусов.

В данном исследовании уровень притязаний как вертикальное измерение жизненных стратегий характеризует интенсивность проявлений целевых установок в различных сферах. В частности, мы обратились к анализу образовательных, социально-профессиональных и материальных притязаний молодежи Мурманской области. Были заданы вопросы о том, какой уровень образования вполне устраивает молодежь, на какую должность (квалификацию) она в перспективе ориентирована, а также какую зарплату за месяц молодые люди считают для себя достойной, если бы уже сейчас достигли желаемой квалификации (должности).

Как мы видим из табл. 4, подавляющее большинство опрошенной молодежи претендует как минимум на вузовскую подготовку (85,1 %), из них большинство устроит одно высшее образование (57,1 %), а также практически четверть ориентирована на два и более высших образования (24,8 %). Данные результаты свидетельствуют об универсализации ценности высшего образования, его превращении в социальную норму, а феномен "коллекционирования дипломов" получает все большее распространение среди молодежи.

Таблица 4. Устраиваемый уровень образования

Уровень образования	%
Среднее общее (11 классов школы)	3,2
Начальное профессиональное, среднее специальное	11,5
Одно высшее (бакалавриат, специалитет)	57,1
Два и более высших (в т.ч. магистратура как второе высшее)	24,8
Послевузовское (получение ученой степени)	3,2

При этом послевузовская подготовка, связанная, как правило, с получением ученой степени, не столь популярная стратегия самореализации для молодых северян (3,2 %). С одной стороны, эти данные говорят о невысоком интересе к научно-исследовательской деятельности среди молодежи, с другой – являются показателем экстенсивной образовательной стратегии, когда обширный "портфель" знаний предпочтительнее узкой специализации.

Девушки проявляют относительно больший интерес к образовательной деятельности, особенно к высшему уровню профессиональной подготовки. Другие уровни – начальное профессиональное и среднее специальное – представляются достаточными в большей степени для юношей (14,0 против 8,4 %). Кроме того, девушки реже довольствуются общим средним образованием (11 классов школы) – 2,5 % против 3,7 %.

Интересно, что существует определенная дифференциация образовательных притязаний молодежи из разных типов населенного пункта. Так, молодые жители малых городов и сельских поселений (до 10 тыс. чел.) относительно чаще, чем жители регионального центра, довольствуются школьной подготовкой (7,8 против 1,4 %), а также начальным профессиональным и средним специальным образованием (16,3 против 8,5 %). Жители крупных и средних городов относительно чаще считают для себя достаточным одно высшее образование, а молодежь из регионального центра более других вовлечена в образовательную деятельность, ориентируясь на два и более высших образования (30,5 %; в других типах населенного пункта – от 17,1 до 24,0 %).

Высокие образовательные амбиции воплощаются соответственно в карьерных притязаниях молодежи (табл. 5). Лишь 7 % опрошенной молодежи ориентированы на должность рядового работника, специалиста средней квалификации. Чуть более трети (35,5 %) молодых мурманчан, проходя по карьерной лестнице, остановились бы в должности специалиста высокой квалификации. Остальные – их подавляющее большинство (57,4 %) – претендуют на руководящую должность, из них половина ориентирована на позиции так называемых "топ-менеджеров" (руководитель предприятия, учреждения, а также более высоких звеньев управления).

Таблица 5. Ожидаемая должность

Должность	%
Рядовой работник, специалист средней квалификации	7,0
Специалист высокой квалификации	35,5
Руководитель небольшого коллектива (бригадир, руководитель группы и т.п.)	14,4
Руководитель подразделения на предприятии, в учреждении	14,5
Руководитель предприятия, учреждения	17,9
Руководитель более высоких звеньев управления	10,6

Необходимо отметить, что юноши несколько реже довольствуются исполнительской должностью специалиста средней и высокой квалификации (35,4 %); девушки – напротив, в подавляющем большинстве (51,5 %) не претендуют на руководящие посты.

Если говорить о возрастных различиях в карьерных притязаниях, то самые юные представители (14-19 лет) обладают относительно более высокими амбициями, чем зрелая молодежь (старше 25 лет). В частности, среди исполнительских должностей они чаще ориентируются на высококвалифицированный труд: рядовыми работниками средней квалификации пожелали быть лишь 2,7 % (9,3 % среди молодежи старше 25 лет). Касательно руководящих должностей, представители зрелой молодежи (25-30 лет) чаще ориентируются на более низкий уровень управления ("руководитель небольшого коллектива") – 16,6 %

(против 9,6 % среди младшей группы). И напротив, совсем юная молодежь чаще претендует на высшие ступени руководства (15,1 % против 7,3 %). Группа молодежи (20-24 лет) имеет средний уровень притязаний, но при этом чаще других предпочитает быть руководителем предприятия, учреждения, что в целом сближает их с более юными представителями. На наш взгляд, зрелая молодежь, как правило, уже вышедшая на рынок труда, находится гораздо ближе к реальной ситуации, чем молодые люди до 19 лет (отчасти и группа 20-24 лет), которые еще находятся в процессе обучения и профессионального самоопределения.

Молодежь из малых городов и сельских поселений относительно чаще ориентируется на должность рядового работника, специалиста средней квалификации (14,2 %), чем молодые жители более крупных населенных пунктов (4-8 %). Подавляющее большинство этой группы (51,8 %) в целом не претендуют на руководящие посты, в более крупных населенных пунктах этот показатель не превышает 50 %. В остальном, представители как больших, так и малых городов (в том числе и сельских поселений) имеют достаточно весомые карьерные амбиции. Так, например, жители средних городов (от 10 до 30 тыс. чел.) опережают всех в своем стремлении к руководству в целом (63,7 %) и руководству на самых высоких звеньях управления в частности (13,1 %). Молодежь регионального центра относительно чаще других претендует на должность руководителя подразделения в организации (18,1 %) или руководителя организации (21,2 %).

Вопрос о достойной зарплате позволил молодежи определить в количественном выражении необходимый и достаточный уровень материального благополучия (табл. 6). Почти половина опрошенных (47,8 %) называли цифры от 80 тыс. руб. и выше при определении достойного заработка, что значительно превышает средний уровень зарплат в регионе (по последним официальным данным, 39,9 тыс. руб.¹). Относительно более реалистичные материальные амбиции имеет лишь 11,4 % опрошенной молодежи, назвавшей сумму 20-39 тыс. рублей. Менее 20 тыс. руб. согласны иметь лишь 7 человек (0,7 %). На наш взгляд, потребности молодежи в материальном благополучии ориентированы на возможный и желаемый "максимум". Выступая активным участником "общества потребления", молодое поколение в наибольшей степени нуждается в привлечении обширных финансовых ресурсов и вместе с тем испытывает наибольшую фрустрацию при столкновении с реальной ситуацией оплаты труда на рабочем месте.

Таблица 6. Достойная зарплата

Зарплата	%
19 000 и менее	0,7
20 000-39 000	11,4
40 000-59 000	25,1
60 000-79 000	15,1
80 000 и более	47,8

Интересно, что мужчины вдвое чаще, чем женщины имеют "фантастические" амбиции по оплате труда – 80 тыс. руб. и более (61,7 против 30,7 %). Женщины, напротив, относительно более реалистично оценивают уровень достойного заработка, ориентируясь на зарплату от 20 до 39 тыс. руб. (19,0 против 5,1 %).

Несмотря на то что практически во всех населенных пунктах материальные запросы в большинстве своем превышают 80 тыс. руб., жители малых городов и сельских поселений относительно чаще других довольствуются доходом в 19 тыс. руб. и менее и реже других претендуют на максимальный уровень (св. 80 тыс.). Интересно, что наиболее амбициозны именно жители средних городов: среди них нет ни одного, кто бы довольствовался зарплатой в 19 тыс. руб. и менее, и они значительно чаще претендуют на 80 тыс. и более (55,4 % против 40-47 % в других группах).

В целом мы видим, что жизненные стратегии молодежи Мурманской области имеют достаточно высокую вертикальную планку во всех трех сферах. Особенно выделяется стремление к большому заработку, что свидетельствует о доминировании материалистической ориентации молодежи региона. При этом можно говорить о консистентности целевых установок молодых северян: желание иметь высокий доход подкреплено высокими образовательными и социально-профессиональными амбициями. Вероятно, это отражает следующую модель экономического поведения – "максимум выгоды при максимуме труда".

¹ Уровень жизни населения Мурманской области. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/resources/006e53004f10f4209b969b22524f7e0f/07039_2014_09.doc.

3.4. Оценочное измерение жизненных стратегий молодежи Мурманской области

Оценка результативности целевых установок может вестись в двух направлениях: анализ прошлого опыта целедостижения и прогнозирование будущего. Первое направление характеризует успешность жизненной стратегии, второе – ее потенциал.

Практически каждый шестой – седьмой (15,1 %) опрошенный достаточно низко оценивает свои успехи в реализации планов (табл. 7). В этом смысле их жизненная стратегия может быть оценена как "неуспешная" или "малоуспешная". Относительное большинство (45,7 %) молодежи отмечают, что чаще или почти всегда им удается реализовать задуманное, что позволяет говорить об успешности их жизненных стратегий. Немало тех, кто балансирует между успехом и фиаско – 39,2 % опрошенных в одинаковой степени получается и не получается реализовать задуманное. Но по сути это анализ предшествующего опыта целедостижения, того, что уже было.

Таблица 7. Степень реализации задуманного в жизни

Вариант	%
Мне мало что удается реализовать из того, что я задумываю	5,4
У меня чаще не получается реализовать задуманное, чем получается	9,7
Примерно в одинаковой степени получается и не получается реализовать задуманное	39,2
У меня чаще получается реализовать задуманное, чем не получается	34,7
Удается реализовать почти все из того, что я задумываю	11,0

Оценка перспективной ситуации отражена в вопросе об уверенности в осуществлении жизненных планов. Подавляющее большинство в той или иной степени уверены, что смогут реализовать свои планы (56,5 %). 13,8 % опрошенных, напротив, достаточно пессимистично оценивают возможности достижения желаемых целей. Чуть менее трети (29,7 %) затруднились с ответом, испытывая в одинаковой степени уверенность и неуверенность в осуществлении своих планов.

Таблица 8. Уверенность в осуществлении жизненных планов

Вариант	%
Совсем не уверен	3,2
Скорее не уверен, чем уверен	10,6
В одинаковой степени не уверен и уверен	29,7
Скорее уверен, чем не уверен	38,9
Полностью уверен	17,6

Результативность жизненных стратегий, измеренная с помощью самооценки, характеризует субъективную дифференциацию молодежи по такому признаку, как социальное самочувствие. В большинстве своем молодежь позитивно оценивает свой опыт целедостижения и с уверенностью смотрит в будущее. При этом необходимо понимать, что позитивный настрой большинства молодежи должен быть подкреплен реальными условиями социализации и самореализации, созданными в регионе.

4. Заключение

Таким образом, темпоральное измерение жизненных стратегий молодых северян показало, что в основном преобладают краткосрочное и среднесрочное планирование своего будущего (не более 5 лет). При этом данный показатель выявил также гендерные, возрастные и поселенческие особенности респондентов. Непопулярность долгосрочного планирования, вероятно, может быть связана с особенностями социально-экономического развития российского общества, которые, прежде всего, отличаются такими характеристиками как нестабильность и интенсивность.

Относительно горизонтального измерения жизненных стратегий молодежи Мурманской области, можно сделать вывод о необходимости ориентирования молодых людей на повышение образовательного и культурного уровней как ведущего вектора личностного развития по отношению к материальному достатку и семье как основным социальным ориентациям. Данный блок ценностей, имеющих постмодернистскую природу, в целом отражает современные социокультурные процессы трансформации российского общества. В частности, переход к обществу знаний, универсализация ценности высшего образования, мобильность, гедонизм как философия и образ жизни. На наш взгляд, приверженность данным ценностям составляет специфику молодежи как особой социально-демографической группы, наиболее активно впитывающей социальные изменения и инновации.

Анализ вертикального измерения жизненных стратегий молодежи Мурманской области, проводимый по критериям образовательных, социально-профессиональных и материальных притязаний,

выявил высокую социальную значимость у молодых северян высшего образования, ориентирование на руководящие должности и значительные материальные притязания.

Касательно такого индикатора, как оценка результативности целевых установок, был проведен анализ прошлого опыта целедостижения и прогнозирование будущего. Большинство молодых людей уверены в том, что они чаще или почти всегда реализовывают задуманное, что позволяет говорить об успешности их жизненных стратегий. Результативность жизненных стратегий, измеренная с помощью самооценки, позволяет сделать вывод, что молодежь позитивно оценивает свой опыт целедостижения и с уверенностью смотрит в будущее.

В целом, достаточно высокие амбиции в финансово-материальной, профессиональной и образовательной сферах, являющихся важнейшими направлениями самореализации молодежи Мурманской области, вступают в противоречие с объективно существующими возможностями региона удовлетворить их. Это приводит к усилению центростремительных тенденций в миграционном поведении молодых северян: из области в региональный центр, из регионального центра в более крупные города (Санкт-Петербург, Москва). Факторы привлечения молодежи следует искать в развитии системы профессиональной подготовки ("школа – вуз – работа"), которую необходимо корректировать с учетом следующих потребностей: соответствие предложения специальностей не только предпочтениям молодежи, но и конъюнктуре рынка труда; соответствие рабочих мест уровню квалификации занятого населения; и наконец, соответствие вознаграждения за труд характеру и содержанию самого труда.

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-13-51001 "Жизненные стратегии и инновационный потенциал молодежи Мурманской области".

Литература

- Акулич М.М., Пить В.В. Жизненные стратегии современной молодежи. *Вестник Тюменского государственного университета*, № 8, с. 34-43, 2011.
- Бондаренко Е.Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург*, 22 с., 2009.
- Волокитина А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.*, 19 с., 2011.
- Легостаева Н.И. Структура жизненных стратегий современного российского студенчества. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб.*, 14 с., 2012.
- Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ. *ЖССА*, № 1, с. 175-189, 2004.
- Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985-1995 годы. *Под ред. В.С. Магун. М., Институт социологии РАН*, с. 148, 1998.
- Рубцова Е.П. "Жизненные стратегии" молодежи: проблемы определения в социологическом дискурсе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, № 1, с. 86-90, 2010.
- Рудакова О.В. Жизненные стратегии современного российского студенчества. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.*, 23 с., 2004.
- Федотова Н.Н. Социально-профессиональный статус поствузовской молодежи на рынке труда. *Саратов, Изд-во ПМУЦ*, 60 с., 2000.
- Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). *СПб., Изд-во Русского Христианского гуманитарного института*, 503 с., 2004.
- Шурыгина И.И. Жизненные стратегии подростков. *Социс*, № 5, с. 52-62, 1999.

References

- Akulich M.M., Pit' V.V. Zhiznennye strategii sovremennoy molodezhi [Life strategies of modern youth]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, N 8, p. 34-43, 2011.
- Bondarenko E.N. Zhiznennye strategii molodezhi zakrytykh administrativno-territorialnykh obrazovaniy: sotsiologicheskyy aspekt [Life strategies of youth of closed administrative-territorial formations: Sociological aspect]. *Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Ekaterinburg*, 22 p., 2009.
- Volokitina A.A. Zhiznennye strategii molodezhi v usloviyah professionalnogo vybora [Life strategies of youth in the conditions of professional choice]. *Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M.*, 19 p., 2011.
- Legostaeva N.I. Struktura zhiznennykh strategiy sovremennogo rossiyskogo studenchestva [Structure of life strategies of modern Russian students]. *Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. SPb.*, 14 p., 2012.

- Muzdybaev K.** Zhiznennye strategii sovremennoy molodezhi: mezhpokolencheskiy analiz [Life strategies of modern youth: Intergenerational analysis]. ZhSSA, N 1, p. 175-189, 2004.
- Revolyutsiya prityazaniy i izmenenie zhiznennykh strategiy molodezhi: 1985-1995 gody [Revolution of claims and change of life strategies of youth: 1985-1995]. Pod red. V.S. Magun. M., Institut sotsiologii RAN, p. 148, 1998.
- Rubtsova E.P.** "Zhiznennye strategii" molodezhi: problemy opredeleniya v sotsiologicheskom diskurse ["Life strategy" of youth: Definition problems in a sociological discourse]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya, N 1, p. 86-90, 2010.
- Rudakova O.V.** Zhiznennye strategii sovremennogo rossiyskogo studenchestva [Life strategies of modern Russian students]. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M., 23 p., 2004.
- Fedotova N.N.** Sotsialno-professionalnyi status postvuzovskoy molodezhi na rynke truda [Social and professional status of graduates on labour market]. Saratov, Izd-vo PMUTs, 60 p., 2000.
- Cherednichenko G.A.** Molodezh Rossii: sotsialnye orientatsii i zhiznennye puti (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) [Youth of Russia: Social orientations and courses of life (experience of sociological research)]. SPb., Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 503 p., 2004.
- Shurygina I.I.** Zhiznennye strategii podrostkov [Life strategies of teenagers]. Sotsis, N 5, p. 52-62, 1999.

Информация об авторах

Шарова Екатерина Николаевна – Мурманский государственный гуманитарный университет, социально-гуманитарный институт, кафедра социальных наук, канд. соц. наук, доцент, e-mail: kateshar1@yandex.ru

Sharova E.N. – Murmansk State Humanities University, Social Science and Humanities Institute, Department of Social Sciences, Cand. of Soc. Sci., Associate Professor, e-mail: kateshar1@yandex.ru

Недосека Елена Владимировна – Мурманский государственный гуманитарный университет, социально-гуманитарный институт, кафедра социальных наук, канд. соц. наук, доцент, e-mail: Nedelena-24@yandex.ru

Nedoseka E.V. – Murmansk State Humanities University, Social Science and Humanities Institute, Department of Social Sciences, Cand. of Soc. Sci., Associate Professor, e-mail: Nedelena-24@yandex.ru